

НЕМЕЦКАЯ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ
В ПРИБАЛТИЙСКОМ УЕДИНЕНИИ:
АНТОЛОГИЯ ЕГОРА СИВЕРСА
«НЕМЕЦКИЕ ПОЭТЫ В РОССИИ»

АННЕЛОРЕ ЭНГЕЛЬ-БРАУНШМИДТ

Немецкоязычного читателя название вроде «Немецкие поэты в России» заставляет предположить, что речь идет о немецких авторах, живущих в России и пишущих по-немецки. Тем не менее, возникает вопрос: что означает здесь «Россия» и что — «немецкие»? Содержание антологии, вышедшей в свет под таким названием в 1855 г. в Берлине, отвечает на них следующим образом: под «Россией» подразумевается Российская империя, а под немецким — язык, доминировавший тогда в высших слоях ее балтийских провинций — Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. До 1870-х гг. русская культура играла в Прибалтике весьма незначительную роль. В настоящей статье хотелось бы остановиться на значении немецкой литературы в Прибалтике 1850-х гг. и напомнить о забытой главе немецкой духовной жизни в Восточной Европе.

Антология «Немецкие поэты в России» с подзаголовком «Исследования по истории литературы» была издана лифляндским писателем Егором фон Сиверсом (1823–1879)¹. В посвящении, адресованном некой даме из прусской столицы, Сиверс, живущий в Лифляндии и урывками посылающий свои тексты в Берлин², защищается от невысказанного упрека в оторванности от западноевропейской духовной жизни³. Он, напротив,

¹ Биографические данные см. [Deutschbaltisches Lexikon: 735–736].

² Об этом см. [Sivers 1858: 284].

³ В тот период Сиверс проживал в рыцарском поместье Планхоф под Вольмаром (Валмиера), которое он арендовал после своей женитьбы в 1863 г.

оценивает свою географическую обособленность положительно и указывает на живые духовные интересы в своем окружении, где «сельский досуг», вдали от сутолоки и тщеславия культурной метрополии, создает «настроение и пространство для литературных занятий, бесед и трудов»⁴.

Слова о литературной деятельности не являются здесь простым штампом. Из Дерптского университета, где он учился в 1843–1846 гг., увлекаясь экономикой и земледелием, зоологией и поэзией, Сиверс вынес многочисленные творческие замыслы, а также дружеские связи, сохраненные им до конца дней. По окончании учебы он на протяжении нескольких лет вел хозяйство в Хаймтале, имении своего отца, занимался историей и литературной критикой, побывал в Санкт-Петербурге, а в 1850 г. отправился путешествовать. Три года (с 1850 по 1853 гг.), проведенные им в Центральной и Южной Америке (в Гватемале), дали ему впоследствии материал для написания экзотических по тематике стихов и путевых заметок — см. [Sivers 1852/1853; Sivers 1861; Sivers 1861a], ср. [Redlich: 300–301]. Возвращение в Европу принесло ему новые знакомства — в Лондоне, Париже и Вене, в Эльзасе и Богемии, — а также помогло обрести свежий взгляд на положение в Прибалтике. Вернувшись домой, он сделался членом многочисленных объединений, несколько раз занимал официальные должности, испытывал новейшую сельскохозяйственную технику. В 1873 г. он стал доцентом по сельскому хозяйству Рижского Политехникума и регулярно совершал поездки за границу, преимущественно в Германию. Работая над литературно-биографическими очерками, он усердно посещал букинистические магазины, библиотеки, наносил визиты художникам и писателям: Эйхендорфу, Уланду, Гутцкову, Францу Листу, Фарнгагену фон Энзе, а после его смерти его племяннице Людмиле Ассинг. Он вел усердную переписку с ученым миром, получал консультации, читал книги и журналы и был в курсе всех литературных событий. Наконец, он организовал кружок читателей, объединивший жителей четырнадцати по-

⁴ См.: “An Fräulein Henriette Solmar in Berlin” [Sivers 1855: V].

местий [Spehr: 6–8]. В каких отношениях он состоял со своими немецкими корреспондентами, дружеских или чисто коллегиальных, установить не удалось. Неоспоримо, что главным посредником в изучении немецкой литературы являлся для Сиверса Фарнгаген фон Энзе⁵.

Год 1863-й стал в жизни Сиверса поворотным. *Homme de lettre*, писавший стихи и публиковавший художественные тексты в немецкоязычных журналах Лифляндии, Эстляндии и Петербурга (с 1843 г.), уступил место патриоту, считавшему своей гражданской обязанностью возмутиться русским высокомерием и защититься от его нападков. Его сочинение «Право наследственного землевладельца» (1864) российская цензура не пропустила в печать, его «Призыв к европейской общечеловечности» (1865, на французском языке — 1867) никто не услышал, лифляндская конституция не была утверждена. Пропагандировавшийся Сиверсом гуманистический идеал Иоганна Готфрида Гердера решительно проигрывал русскому национализму, так что впредь Сиверс посвятил свои досуги изучению судьбы и сочинений драматурга Р. М. Й. Ленца⁶, а также сельскому хозяйству.

Немецкую литературу Прибалтики Сиверс рассматривает как составную часть общенемецкой культуры, он думает и чувствует по-немецки:

Политической самостоятельности и власти, к которым стремились немцы, им достигнуть не удалось, но зато они имеют славу первенства в отношении гуманитарного образования. Как ни болезненна для нас потеря первых, обладание вторым для нас честь — и делает нас сильнее [Sivers 1855: LXXVIII].

Одним из результатов этих наблюдений является его стихотворение «Немецкой родине», в котором рассеянию немцев по всему миру он противопоставляет единство, отечество, роди-

⁵ Как утверждает Фридрих Дукмайер, Сиверс был «другом» последних лет жизни Фарнгагена фон Энзе [Dukmeier: 17].

⁶ Ленц занимал Сиверса на протяжении всей жизни. Ранние результаты этих исследований были помещены им в его «Антологии» [Sivers 1855: 40–46].

ну, данные в «родном немецком звуке» [Sivers 1855: LXXX]. Следуя по стопам Гердера и будучи уверен в положительном немецком влиянии на науку, искусство и экономику, превосходящем возможности балтийских и русского народов, Сиверс скептически отказывается от стремлений некоторых немецких идеологов к экспансии:

Тем не менее, из этого обстоятельства временного духовного превосходства немцев не стоит делать вывода о будущем политическом мировом господстве Германии, как, возможно, это представляют себе некоторые слепцы из числа наших соотечественников, думал он <Гердер>, почти как барон фон Клоотц, смело бросивший якобинцам: «Я требую ставить имя француза ниже имени человека, ибо все люди хотят быть свободными, но не все хотят быть французами» [Sivers 1869: 14].

О какой-либо «духовной самобытности» «прибалта» или «балтийской поэзии», как ее пропагандировал в 1928 г., в период независимости прибалтийских республик, Артур Берзинг, переводчик и распространитель эстонской литературы [Behrsing: III], Сиверс не говорит ни слова.

Согласно Берзингу, понятие «прибалт» возникло в начале XVIII в., когда Россия, после победы над Швецией, стала крупной державой:

Прибалт — это продукт русского времени. Он был рожден в схватках Северной войны, он пробудился во времена Екатерины II и нашел себя во время Александра I. Высшее напряжение, кульминацию своего бытия он пережил при Александре II, в то время, как трагическое бабье лето его жизни и действий наступило при Николае I. Все, что для нас сегодня является прибалтийской традицией, существует всего 200 лет. Все прочее — это дорогие реликвии, но не живые традиции. Они оборвались в период Северной войны [Behrsing: 31–32].

Сиверс направляет свою мысль, в духе философии Гердера, скорее на род человеческий и идею гуманности, — нежели на такие частности, как нации или этносы, — подчиняя универсальному все особенности общественной, политической и религиозной жизни. В том, что он, скорее всего, не говоривший достаточно хорошо по-русски, не может найти в России ниче-

го положительного, была повинна, как он полагает, политика русификации конца 1860-х гг. По сравнению с немецким русский язык кажется ему «грубым», что для него равнозначно некультурному. Правда, он соглашается с тем, что за 150 лет, которые имелись в распоряжении России для ее культурного развития, невозможно ожидать исправления всех «ошибок», копившихся на протяжении 850 лет, и устранения «ее невежества и грубости». Для «знакомства» с прошедшими веками, в качестве «истинных свидетельств», он рекомендует читателям «Евгения Онегина», «Героя нашего времени», болгаринского «Ивана Выжигина», а также «Ревизора», «Мертвые души», «малороссийские жанровые зарисовки» Гоголя, «Гарантас» Соллогуба; для знакомства с современностью — «Дым» Тургенева. Свои собственные оценки он прячет за гердеровскими и ведет полемику против русской прессы:

Читатель, проглядывая эти книги, написанные русскими по национальности, сможет сам убедиться, прав ли был Гердер в своих утверждениях, и какие шаги были с тех пор предприняты в империи в плане образования. Ввиду известного опыта я не решаюсь приводить дословные выдержки из перечисленных произведений и тем подвергать себя обвинению в утрировании, черствости или злонамеренности. Указания на истинные свидетельства для меня достаточно, поскольку я, присоединяясь тем к Гердеру, преследую исключительно следующую цель: выявить положение, оправдание и задачу немецкого образовательного элемента в Балтийских провинциях. Для меня достаточно защищаться от нацеленных на нас нападков прессы, раскрывать недостатки империи лишь по мере острой необходимости, а также доказывать невозможность и неоправданность искоренения немецкого образовательного элемента и немецких средств образования в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии [Sivers 1869: 24–25].

Убежденный в духовном превосходстве немцев, Сиверс наделил немногих живущих в глубине России немецких авторов функцией просветителей, при этом он постоянно подчеркивает мысль о том, что задачей немцев является не навязывание своей культуры чужим племенам, а «содействие наличествующей, живущей в народе силе в ее собственном разви-

тии» [Sivers 1855: LXXVIII]. На первом месте в ряду просветителей для него по праву стоял Клеменс Фридрих Майер, с 1852 г. главный редактор, а позже и издатель немецкоязычной «Газеты Санкт-Петербурга», с 1858 г. также лектор немецкого языка в Петербургском университете. Для Майера мирное сосуществование русских и немцев составляло особо важную цель. Все, что Майер выбирал из фельетонов своей газеты и публиковал в 1852–1854 гг. в сборниках под названием «Журнал известий о духовной и нравственной жизни в России», Сиверс обсуждал в “Das Inland” («Внутри страны»)⁷ и в «Рижской газете», находя, что немецкий дух плодотворно действует в чужих странах и способен оказывать влияние на их духовную жизнь [Spehr: 45–46].

К окружению Майера «в метрополии дальнего востока города Санкт-Петербурга», как он выражается, Сиверс причисляет поэта-песенника Иоганна Фридриха Хинца, врача и поэта Макса Камбека, актера Макса Толлерта, композитора Юрия фон Арнольда [Sivers 1855: XLVII–XLIX]. Называет Сиверс и Августа Меттлеркампа, который служил лектором немецкого языка в Харьковском университете, Юлиуса Цезаря Фелькеля — лектора в Москве, Карла Нея — в Казани, некоего д-ра Рименшнейдера — в Дерпте. Заботясь о полноте данных, Сиверс именуется свои сведения об этих «широко разбросанных форпостах и оплотах научного образования» в России случайными и отрывочными [Там же: LXXVI]. Тут он, вероятно, не только довольно точно передает суть дела, но и предполагает со стороны своих читателей ожидание найти под заглавием «Немецкие поэты в России» не только прибалтийских или связанных с Прибалтикой поэтов.

Сиверс был первым, кто занялся историей литературы немцев Прибалтики и России в целом. Своей антологией он преследовал двойную цель. Во-первых, продемонстрировать значение и влияние немецкой литературы в балтийских провинциях и в России в целом. Во-вторых, показать Западу прибал-

⁷ “Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Est- und Kurland’s Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur”, выходила с 1836 г.

тийский вклад в немецкую культуру и познакомить Германию с поэтическим творчеством на немецком языке, возникшим в пределах Российской империи. Для этого требовались сбор обширной информации, просмотр, оценка и классификация газет, журналов, альманахов, книг, письменных и устных сообщений⁸.

Прекрасно и разносторонне образованный, повидавший свет, добросовестный, Сиверс представил читателям труд, который производит, однако, противоречивое впечатление. Форматом в двенадцатую долю листа, объемом в 680 страниц, напечатанный убогим шрифтом, его том буквально «задыхается» от обилия материала. В стремлении упомянуть всех авторов, которые имели хоть какое-то отношение к Балтийским провинциям (несмотря на то, что некоторые из них лишь краткое время провели в пределах Российской империи⁹), он перегрузил свой труд комментариями и, зачастую, — низкопробными поэтическими текстами. Тем не менее, издателя обвинили в том, что он просмотрел многих авторов — упрек, на который Сиверс отреагировал более поздним «Карманным литературным изданием немцев в России», включившим в себя тексты «ошибочно пропущенных авторов», а также те, которые не были ему доступны три года назад. И даже эти дополнения еще не являются исчерпывающими — сожалеет Сиверс [Sivers: 1858]¹⁰.

Некоторые авторы представлены только биографической справкой без поэтических текстов (граф фон дер Борг, фон Кампенгаузен, Игнатий А. Фесслер, Юлиана фон Крюденер и др.). На то есть разные причины: авторы или не сочиняли стихов,

⁸ Свои источники, в том числе “Geschichte der deutschen Dichtung” Г. Г. Гервинуса и “Geschichte der deutschen Nationalliteratur” Юлиана Шмидта, Сиверс перечисляет в своей антологии [Sivers 1855: 677–678].

⁹ Коцебу, Зейме, Холтей, Боденштедт не были ни прибалтами, ни российскими немцами.

¹⁰ Сам Сиверс перечисляет целый ряд упреков и отвечает на них [Sivers 1858: 284].

или были только выдающимися газетными сотрудниками (напр., в дерптском «Сотруднике»), или же только временно жили в Прибалтике и не оставили следов в литературе. Сиверс рассматривает любую, пусть чисто внешнюю связь с Прибалтикой как лицензию на принятие автора в «свой круг» и таким образом размещает в антологии даже Рихарда Вагнера с его «Прощанием Тангейзера с Венерой» [Sivers 1855: 435–440]¹¹. Однако подобное кратковременное пребывание в стране еще не делает подданных Германской империи прибалтийскими или российско-немецкими поэтами, и принятые Сиверсом принципы классификации утрачивают для читателя всякую четкость. «Насколько бы ценным, даже незаменимым для будущих исследователей прибалтийской и российско-немецкой литературы ни являлся этот прилежный труд, — полагает Жанно Эмиль фон Гроттхусс, — настолько же мало пригоден он для того, чтобы служить ей зеркалом» [Grotthuß: 453]. «Книга балтийских поэтов» самого барона Гроттхусса вышла сорок лет спустя (1895), форматом в восьмую долю листа и в ярко-красном, в духе времени, и украшенном золотым тиснением переплете; она была легко обозримой, содержала четкую подборку текстов — все то, чего не хватало книге Сиверса.

В своем «Историческом введении», длиной в шестьдесят страниц, Сиверс представляет обзор развития немецкой художественной литературы в России и, в особенности, в Балтийских провинциях в контексте истории культуры обеих империй, от начала до настоящего момента. Эта затея была слишком честолюбивой, чтобы оказаться удачной, тем более, что драма и театр, музыка и концерты, журналистика, изобразительное искусство и общественные собрания картин, и даже протестантская церковь¹² также удостоились внимания составителя. Получился нашпигованный именами и датами очерк, содержащий нередко расплывчатые формулировки («заслужи-

¹¹ С 1837 по 1839 гг. Вагнер служил в Риге капельмейстером.

¹² Свою неприязнь к католической церкви Сиверс ясно дает почувствовать на примерах Кристины Шведской и Цахарии Вернера. Ср.: [Sivers 1855: XXXVII, XLV].

вает особого выделения», «немецкие силы помогали организовать», «Россия поднялась из неотесанности»). За введением следуют биографии и поэтические тексты более чем восьмидесяти авторов, выбранные по тематическому («балтийское»), а не по эстетическому принципу. При этом ряд текстов был включен в результате субъективного пристрастия составителя антологии [Pforte: XXV].

Сиверс не мог не осознавать, что «балтийские немцы» воспринимались прибалтийскими народами как немцы, тем более что со времени гердеровских «Голосов народов» право голоса в Европе получили также латыши и эстонцы. Он охотно указывает на труды по истории Лифляндии и Латвии пасторского сына, лифляндца Гарлиба Гельвига Меркеля, не менее охотно упоминает переводы эстонских народных песен Александра Нейса, теолога по образованию, не забывает упомянуть и о своих собственных опытах в этой области [Sivers 1855: 167–168, 265–266].

К середине XIX в. открытие и изучение эстонского фольклора уже является делом ученых, собирателей и переводчиков (Э. Аренс, Ф. Крейцвальд и Ф. Видеман)¹³. В своем историко-литературном введении Сиверс делает акцент на деятельности немецкого пастора, родом из Мекленбурга, — переводчика и поэта Райнера Брокманна, который первым написал несколько стихов на эстонском языке (1637). Это можно считать, — полагает Сиверс, —

одним из наиболее ранних исторически доказанных примеров того, как образованный народ-завоеватель снизошел к грубым и невежественным коренным жителям, чтобы завоевать их в духе истинной любви ко Христу — не мечом, но постоянной заботой и образованием.

«Правда, — добавляет он, как если бы указание на “Евангелие любви” не достаточно оправдывало ошибок прошлого, — этот шаг примирения состоялся лишь спустя 400 лет после завоевания страны». Напечатанные стихи Брокманна: «Пусть другие

¹³ Ср. А. Schiefer в своем предисловии к [Kreutzwald: III–VI].

пишут по-другому, / Я хочу писать по-эстонски», свидетельствуют для Сиверса о том, что все население страны, крестьяне и дворяне, клирики и ученые, говорят по-эстонски [Sivers 1855: XXXV–XXXVI]. Написанный на смеси эстонского, немецкого и русского, завоевавший популярность шванк “The Noberpalse Wreindsaft” / «Оберпальская дружба» [Там же: 18–23] Генриха фон Лилиенфельда (1716–1785)¹⁴ передает, по мнению Сиверса, тот язык, который еще сто лет спустя можно услышать «от ремесленников в малых городах», «от выходцев из крестьянского сословия, еще в несовершенстве вобравших в себя немецкий язык».

Особое положение в антологии отводится «Беренскому кругу в Риге», который, правда, не поставляет Сиверсу стихов, но зато является, по его мнению, примечательной частью лифляндской истории культуры и немецкой литературы. Рига, как считает Сиверс, отражает «немецкую жизнь в ее полном объеме, может быть, точнее всех иных городов России» [Там же: XLII].

Иоганн Кристоф Беренс, член городского совета, патриот и «патриарх», человек «живого и пытливого ума», создал вокруг себя в Риге центр «немецкого северо-востока», как его характеризует Сиверс [Там же: 65]. В начале 1760-х гг. здесь собирались многие ученые и поэты, чья деятельность расцвела под влиянием стимулирующего духовного климата процветающего и многонационального города. Это были ректор Домской школы И. Г. Линднер и его брат Иммануэль; философ И. Г. Гаманн; Гердер, в 1764 г. поступивший в Домскую школу в качестве вспомогательного учителя; писатель А. В. Хуппель; И. Фр. Харткнох, первый книготорговец Риги, издатель Гердера и, позже, И. Канта. Почти ровесники, многие из них были знакомы друг с другом уже в Кенигсберге. «В Лифляндии, —

¹⁴ Как сообщает Сиверс, Якоб Генрих фон Лилиенфельд, воспитанник Кадетского корпуса в Петербурге, был в качестве «кавалера посольства вместе с князем Кантемиром послан в Париж, но после того, как жена его брата, камергера Карла Густава фон Лилиенфельда, некая княгиня Адуевская, попала в немилость у императрицы Елизаветы, отозван оттуда» [Sivers 1855: 17].

писал Гердер в 1770 г. своей невесте, — [я] жил и действовал так свободно и вольно — как никогда больше не был в состоянии жить, учить, действовать» [Sivers 1869: 9].

По случаю открытия памятника Гердеру в Риге в 1864 г. тогдашний городской библиотекарь напомнил, что Гердер провел в Риге всего лишь четыре с половиной года и не был ни гражданином города, ни страны. «И все же, — подчеркнул оратор, — мы имеем законное и им самим всегда признанное основание считать его одним из нас. Он есть в определенном смысле вклад, внесенный Ригой в большой расцвет немецкой литературы» [Sivers 1868: 69]. Что именно библиотекарь имел в виду, демонстрирует его комментарий к факту отъезда Гердера из Риги: «Как хорошо, что он уехал! И будь это хотя бы ради встречи с Гете в Штрассбурге» [Там же: 77].

Сиверс представляет группу мелких поэтов — частью курляндских уроженцев, частью родом из Кенигсберга, Лаузица или Нижней Силезии, но живущих в Курляндии — именующихся по названию альманаха «поэтами “Куроны”». «Курона» издавалась в 1806–1809 гг. курляндцем У. фон Шлиппенбахом [Sivers 1855: 201–221]. Самого Ульриха фон Шлиппенбаха (1774–1826), являвшегося одним из основателей «Курляндского общества», органа, который в союзе с музеем в Митаве служил патриотической идее, Сиверс представляет тремя философскими стихотворениями («Дух и форма», «Поучения Агафона», «Фатум»). Составитель констатирует при этом недостаток «поэтической теплоты» и переизбыток холодности ума и присовокупляет размышление о том, не обусловлена ли смена поэзии ума и чувства изменениями в политике, обществе и религии и не стоит ли рассматривать ее в контексте «прочего пути развития рода человеческого» [Там же: 201–205]. Формальные критерии, остаются, таким образом, опять вне поля зрения составителя.

За «чувство» отвечают поэты альманаха муз «Подснежники» (1838): они поют на разные лады солнце, луну и бегущие облака, прозрачные воды ручья, леса, ольховые рощи, флейту пастушка, море и золото утренней зари, грезы и волшебный цветок, губы, поцелуи и глаза любви. При этом они ничем не

отличаются друг от друга, несмотря на малоубедительное утверждение составителя, что сборник «Подснежники» представляет собой «переход от стихотворчества Салиса и Маттисона к стиху Уланда и Гейне» [Sivers 1855: 389]. Во всяком случае, «песня» Фридриха Глазенаппа «Птичка сидела в клетке, в клетке / Такой золотой» [Там же: 397] свидетельствует об умеренной самостоятельности в отношении формы. Издателями альманаха являлись двое дерптских университетских товарищей, позже поступивших на государственную службу. Один из них, юрист Вильгельм Шварц, из семьи рижских городских чинов, после окончания учебы жил в Париже, а в 1843 г. сопровождал барона фон Хакстхаузена в его путешествии по России, прежде чем сделался в Саратове членом правления немецких колоний на Волге. Второй, связанный с ним «любовью к поэзии», был Арнольд фон Тидебель, сын русского статского советника. В 1841–1845 гг. он занимался организацией нового гражданского правления в Закавказье и позже стал директором канцелярии при губернаторе Лифляндии.

Детальные биографии, вроде только что приведенных, написанные Сиверсом со знанием дела, уводят глубоко в историю культуры балтийских немцев, и создается впечатление, что поэтическая продукция служит составителю лишь поводом для сообщений об истории и многонациональных переплетениях в Прибалтике.

«Стихами из Дерпта» именуются анонимные сочинения из сборника, изданного в 1845 г. в Дерпте студенческим литературным кружком. От них веет свежестью, вдохновленным юмором Гейне и непокорством Фрейлиграта. В несколько неловких образах и не совсем правильным языком студенты сравнивают себя с виноградным соком, вырывающимся из бочки старых времен:

Es gleicht halt den Tonnen Und ist wo Geist in den Reben,
 Das Leben und die Welt; Die brechen sich Raum und Gelass <...>
 Wir sind der Reben Bronnen, [Sivers 1855: 534]¹⁵
 Die man gefangen hält.

Социальные вопросы также затрагиваются в призыве «Так вперед же, во имя Божие!» из «Песни о прогрессе» [Там же: 535–537]. С формальной точки зрения в этих студенческих стихах заслуживает внимания попытка имитации гейневского дольника. Стихосложение формируется под влиянием немецкой литературы и никак не связано с русскими образцами. Начало следующих стихов напоминает знаменитую «Лорелею» (“Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, dass ich so traurig bin”)¹⁶:

’S geht fast, wie den Bäumen im Lande,
 Den Menschen in der Welt —
 Vorn wenig am Waldesrande
 Und viele hintangestellt [Там же: 535]¹⁷.

В 1840-х гг., когда Сиверс учился в Дерпте, университет представлял собой плодотворную почву для развития науки и искусства, для оживленной корпорантской жизни, для дружбы, взаимного воодушевления и сочинения стихов как вида компанейского досуга. Вместе с друзьями, Константином Глитчем и Рейнхольдом Шелльбахом, Сиверс привлек к делу Андреаса фон Витторфа, изучавшего в Дерпте в 1830-х гг. медицину и филологию, — уже хорошо известного в Лифляндии автора, а также старшего по возрасту Карла Штерна, изучавшего в Дерпте национальную экономику. Они издали сборник «Баллады и песни» (1846).

У поэтов этого сборника греческая мифология и итальянский ландшафт, одиночество поэта и религия, отчизна и вер-

¹⁵ Подстрочный перевод: «Напоминают бочки / Жизнь и свет. / Мы поток виноградной лозы, / Удерживаемый в плену. // И где в лозе сознание, / Там преломляются пространство и место».

¹⁶ «Я не знаю, что бы это значило, / Почему я так печален».

¹⁷ «Почти такая же, как у деревьев в стране / Жизнь у людей в мире — / Впереди немногие на краю леса / И многие позади».

ность королю, идилличность и рефлексивная лирика отступают на задний план. Наряду с вечными темами любви и смерти, мы находим здесь более тесную связь с Востоком. Глитч, занимавшийся по окончании учебы на врача делами унаследованной им горчичной фабрики в Сарепте, размышляет среди волжских степей об Азии и Европе («Прощание с Москвой») и, в духе баллад Бюргера, выпускает мертвецов из «Анатомического склепа в Дерпте» [Sivers 1855: 544–548, 556–559]. Его «Скала и море» — длинное стихотворение, оплакивающее свободным стихом и с избытком эмоций потерю матери и возлюбленной [Там же: 548–552]. Шелльбах перерабатывает эстонскую народную легенду в немецкую балладу «Домовой» [Там же: 563–565], в то время как болезненный Карл Штерн, деятельность которого в качестве кадастрового чиновника в Рязани и Новгороде препятствовала поэтическому полету, находит верный лирический тон для передачи надежды и отчаяния. Здесь же помещены и некоторые сонеты Штерна, свидетельствующие о его владении как итальянской, так и английской формой [Там же: 518–521]. Позже Штерн переехал в Дерпт; восторг от возвращения домой изображается им в стихотворении «На холме у кафедрального собора Дерпта» [Там же: 532–533].

Штерн, Витторф и Сиверс представлены в некоем «Балтийском альбоме», составленном графом Николаем Ребиндером в 1848 г. и состоящем большей частью из его собственных произведений. Ребиндер же издавал на протяжении двух лет «Альманах муз Балтийских провинций России» (1854–1855), где впервые продемонстрировал «балтийскую» поэзию, став примером для Сиверса, который рецензировал эти издания [Spreng: 42]. В отличие от чиновника Штерна, морской офицер Ребиндер имевший возможность участвовать с великим князем Константином в кампаниях на Балтийском и Северном морях, в 22 года вышел в отставку, с 1848 г. жил на доходы от своих имений в Гапсале и публиковал собственные стихи и драмы в Ревеле, Митаве и Лейпциге.

Если принять число включенных поэтических текстов за указание на качество поэта, то в числе первых здесь следует

назвать Вильгельма Сметса, Александра фон Унгерн-Штернберга, Иоганна Августа Меттлеркампа, Андреаса Вильгельма фон Витторфа, Романа фон Будберг-Беннингаузена, Оскара Кинитца, Карла Вальфрида Штерна и самого Сиверса — каждый из них представлен в антологии десятью и более образцами. Все они — за исключением Оскара Кинитца — и в конце XIX в. были включены Гроттхуссом в «Книгу балтийских поэтов» как признанные величины. Большинство из них обладает обширным поэтическим наследием, дававшим Сиверсу возможность выбора, и отличается многосторонностью и самостоятельностью. Сметс, сын знаменитой актрисы Софи Шредер и сам обладатель сценического дара, представлен тихой лирической нотой («*Primulae veris*»), притчей («Терпимость»), балладой («Юнкер Гетц») и гекзаметрическим воспоминанием о «Ревеле у Финского залива, где мать меня родила» [Sivers 1855: 283–284]. Отдельные стихи из единственного самостоятельного издания Меттлеркампа, «Ласточки-песни» (1846), занимали, по мнению Сиверса, подчеркивающего «детски-нежное» начало у этого автора, «достойное место» в новейшей немецкой лирике («Колыбельная», «Утешение»). При этом Сиверс не отмечает, что талантливый писатель своими триолетами все же следует по стопам анакреонтиста Фридриха фон Хагедорна¹⁸. В далеком Харькове Меттлеркамп страдал от отсутствия связи с родиной и от невозможности слагать стихи, не подражая чужим образцам [Engel-Braunschmidt: 34–37]. Для литературы любого национального меньшинства или диаспоры существует опасность эпигонства в силу невозможности черпать из кладезя живого языка. Когда метафоры и фразы вроде “feuertrunken”, “Erfüllst du meine

¹⁸ Ср. Mettlerkamp “Mailied” [Майская песня]: “Alles atmet Lust und Freude” [Все дышит радостью и страстью] “Auf dem bunten Schmelz der Wiesen” [На пестрой эмали лугов] [Sivers 1855: 423], и Hagedorn “Die Empfindung des Frühlings” [Ощущение весны]: “Du Schmelz der bunten Wiesen!” [Ты, эмаль пестрых лугов!]; “Du Stille voller Freuden!” [Ты, тишина, полная радостей!] [Hagedorn: 43].

Seele ganz”, “als ein schöner Götterfunken”¹⁹ применяются не в качестве сознательных цитат, а из-за нехватки собственного дарования, мы слышим отголоски Шиллера и Гете или немецких романтиков Эйхендорфа и Уланда.

Многочисленные комментарии к напечатанным стихам, а также собственные сочинения представляют Сиверса певцом природы и эстетом, предпринимающим поэтические экскурсии в Библию и в экзотические сферы [Sivers 1855: 653–666]. Все это косвенно проясняет то, почему таким понятиям, как Домартовский период или Молодая Германия нет места в его антологии. Когда Сиверс намекает на то, что «революционная, политическая поэзия» сороковых годов не нашла, «как то предлагала обстановка», отклика в нем, это читается как скрытое указание на российскую цензуру; клеймя же политическую лирику как «нехудожественную литературу», он раскрывает свое собственное эстетическое кредо. Сформулировано это так:

Самые возвышенные чувства религии, любви к отечеству, свободы не находят здесь достойного выражения. Добрая воля извиняет и оправдывает, если не перед судом критики, то, по меньшей мере, в глазах единомышленников <...>.

Бросается в глаза особая симпатия Сиверса к Александру фон Унгерн-Штернбергу, которому уделено около сорока страниц. Сиверс обращается к роману как главному жанру этого автора. За критическими высказываниями просвечивает история того времени, обогащенная знакомством Штернберга с В. А. Жуковским, Людвигом Тиком, бароном Отто фон Штакельбергом, Фанни Левальд, Фарнгагеном фон Энзе и Адольфом Менцелем [Sivers 1855: 313–351]. В «Фортунае» (1838) Штернберг освещает романтику войны; в сочинении «Из дневника попугая» (1838) звучат «презрение и сатирические нападки на пустоту общественных отношений аристократии и беспомощность местечкового жителя»; в «Психее» пробивает-

¹⁹ «Хмельной огнем», «ты наполняешь мою душу без остатка», «как чудная Божья искра».

ся почитание Жорж Санд. Штернберг создает портреты «Знаменитых немецких женщин XVIII века» (1848), в пестрой череде сменяющих друг друга; своим романом «Пауль» (1844) он обратился к «жгучим вопросам повседневности», мобилизовал силу духа против господствующей власти денег и попытался спасти страдающий пролетариат «жертвенной помощью дворянства». Упадок и загнивание общества, а именно — больших городов и имений, Штернберг правдиво изобразил в своих романах и предвидел последовавшее в 1848 г. возмездие. Когда в партийной борьбе 1848 г. казалось, что все вот-вот рухнет, Штернберг совершил поворот на 180° и, предав свои прежние «демократические» идеи, стал воинствующим роялистом. Он «мужественно заступился за колеблющуюся в то время аристократическую и легитимистскую партию».

О том, что подобное легитимистское поведение было в глазах Сиверса правильным, свидетельствует его собственное выступление в защиту лифляндского конституционного права в 1869 г. Тем не менее, он занимает оборонительную позицию, когда на примере Унгерна-Штернберга объявляет классовые барьеры естественным явлением. Сиверс ссылается на упреки, касавшиеся дворянского происхождения Штернберга: «Как будто в его власти было изменить это обстоятельство!». В этом пункте Сиверсу трудно возразить, в следующем — уже легче:

Когда немецкий дворянин-помещик в Прибалтийских провинциях России с детства слышит, как послушный, бедный, необразованный класс говорит на чужом языке, он автоматически связывает понятие «господин» с представителем иной, более благородной расы. Это наблюдение, ни малейшим образом не нарушенное воспитанием, обретает, наконец, статус аксиомы, и мы можем смело называть немца из Лифляндии — Эстляндии — Курляндии урожденным аристократом [Sivers 1855: 325].

Избавиться от терминов «господин» и «раса», как утверждает Сиверс, трудно или даже вообще невозможно. Даже если балтийский немец и примет термин «либерализм» в свое оправдание, он будет чувствовать иначе, чем мыслит. Как «либерализм за печкой» балтийский вариант лишь выставляет себя на посмешище Запада. Тем не менее, нельзя отрицать у Сиверса

наличия чувства реальности, даже если он не осознает до конца, что в его размышлениях смешиваются два разных предмета: социальная и этническая инородность. В качестве «господствующей расы» высший слой балтийских немцев противопоставляет себя низшему слою «не-немцев», говорящему на непонятном языке и столь же чуждому, как сами немцы чужды местным народам — латышам и эстонцам. По-настоящему либеральное движение, не говоря уже о социалистическом, не смогло развиваться в Прибалтике в той мере, которая была бы здесь необходима. За границей это удалось гораздо лучше, как свидетельствует пример Мориса Штерна²⁰. Но и между подданными Германской империи и балтийскими немцами обрисовывается дистанция: термины понимаются по-разному, и тот, кто считается немцем в Прибалтике, в Германской империи превращается в «балтийского» или даже «русского немца».

Если Гроттхусс упрекает Сиверса в «недостатке самоограничения», слишком часто побуждавшего составителя антологии перескакивать с одного предмета на другой [Grotthuß: 453], то сегодня можно спросить себя: не это ли обилие имен,

²⁰ Из биографической справки, составленной Генрихом Йогансоном для его антологии о Морисе фон Штерне, сыне Карла Вальдфрида фон Штерна, следует, что Морис родился в 1860 г. в Ревеле, в начале 1880-х гг. уехал в Америку и жил там, как Шатов и Кириллов (герои «Бесов» Достоевского). Он разделял «существование рабочих, чаще в низшей трудовой сфере <...> и уже вскоре стоял <...> в центре социально-политического движения», прежде чем вернулся в 1885 г. в Европу и избрал местом жительства Цюрих [Johanson: 225–226]. В «Биографическом и библиографическом приложении» к своей антологии Йогансон цитирует критику стихотворных публикаций Мориса Штерна. Так, “Frankfurter Zeitung” писала: «Поэт, проживающий в Цюрихе русский немец, достиг известности не только благодаря откровенному и свободлюбивому тону своей весьма эмансипированной лирики, но и благодаря своему личному выступлению за дело социализма. <...> Аристократ по духу и крови, он всегда словом и делом безоговорочно выступал в защиту интересов народа» [Там же: 11].

дат и фактов составляет главную ценность книги²¹, и сильнее, чем это удается стихам, помогает представить себе ушедшую культурно-историческую эпоху? По мнению Карла Курта Клейна, автора «Истории немецкой литературы за границей», антология представляет собой «один из ценнейших строительных камней истории письменности в Прибалтике» [Klein: 199].

ЛИТЕРАТУРА

- Behrsing: *Behrsing, A.* Grundriss einer Geschichte der baltischen Dichtung / Hrsg. unter Mitarbeit von A. Favre, O. Greiffenhagen und A. Knüpffer. Leipzig, 1928.
- Deutschbaltisches Lexikon: Deutschbaltisches Biographisches Lexikon: 1710–1960. Köln; Wien, 1970.
- Dukmeyer: *Dukmeyer, F.* Die Einführung Lermontows in Deutschland und des Dichters Persönlichkeit. Berlin, 1925.
- Engel-Braunschmidt: *Engel-Braunschmidt, A.* Zwischen Hamburg, Kischinjaw und Charkow. Die Mettlerkamps in Russland, unter besonderer Berücksichtigung des Dichters Johann August // Zeitschrift des Vereins für Hamburgische Geschichte. 1980. Bd. 66. S. 1–43.
- Grotthuß: *Grotthuß, J. E. F. von* (Hrsg.). Das Baltische Dichterbuch. Eine Auswahl deutscher Dichtungen aus den Baltischen Provinzen Russlands mit einer litterarhistorischen Einleitung und biographisch-kritischen Studien. 2., durchgesehene und bearbeitete Auflage, Reval, 1895.
- Hagedorn: Hagedorns Gedichte / Hrsg. A. Köster. Hamburg, 1898.
- Johanson: *Johanson, H.* Die Baltischen Lande in Liedern ihrer Dichter. Eine Anthologie mit biographischen und bibliographischen Notizen. Zürich, 1894.
- Klein: *Klein, K. K.* Literaturgeschichte des Deutschtums im Ausland. Leipzig, 1939.
- Kreutzwald: Mythische und magische Lieder der Ehsten / Hrsgg. v. Fr. Kreutzwald und H. Neus. St. Petersburg, 1854.
- Pforte: *Pforte, D.* Die deutschsprachige Anthologie. Ein Beitrag zu ihrer Theorie // Die deutschsprachige Anthologie. Ein Beitrag zu ihrer

²¹ Рецензии современников, которые могли бы пролить свет на читательское восприятие «Немецких поэтов» в Германской империи, мне не известны.

- Theorie und eine Auswahlbibliographie des Zeitraums 1800–1950 / Hrsgg v. J. Bark, D. Pforte. Frankfurt a. M., 1970. Bd. 1.
- Redlich: *Redlich, M.* Lexikon deutschbaltischer Literatur. Eine Bibliographie. Köln, 1989.
- Sivers 1852/1853: *Sivers, J. von.* Palmen und Birken. Leipzig, 1852 und (vermehrt) 1853.
- Sivers 1855: *Sivers, J. von* (Hrsg.). Deutsche Dichter in Russland. Studien zur Literaturgeschichte. Berlin, 1855.
- Sivers 1858: *Sivers, J. von* (Hrsg.). Literarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland. Riga, 1858.
- Sivers 1861: *Sivers, J. von.* Über Madeira und die Antillen nach Mittelamerika. Reisedenkwürdigkeiten und Forschungen. Leipzig, 1861.
- Sivers 1861a: *Sivers, J. von.* Cuba, die Perle der Antillen. Leipzig, 1861.
- Sivers 1868: *Sivers, J. von.* Herder in Riga. Urkunden. Riga, 1868.
- Sivers 1869: *Sivers, J. von.* Humanität und Nationalität. Eine livländische Säcularschrift zum Andenken Herder's und zum Schutze livländischen Verfassungsrechtes. Berlin, 1869.
- Spehr: *Spehr, E.* Beiträge zu einer Monographie des Baltischen Schriftstellers Jegor von Sivers. Königsberg, 1933.